

письмена

Молчат гробницы, мумии и кости, —
Лишь слову жизнь дана:
Из древней тьмы, на мировом погосте,
Звучат лишь Письмена.

И. Бунин

Мариям Керимова

«Номадийская наследственность» Василия Кандинского

На протяжении всего своего творческого пути выдающийся русский художник, один из зачинателей абстракционизма в изобразительном искусстве Василий Васильевич Кандинский обращался к мотивам шаманизма. И это обстоятельство не является данью моде или увлечением экзотикой. Шаманские сюжеты Кандинского имеют глубокие истоки в его генеалогии, психике и фактах биографии.

Происхождение фамилии Кандинских связывают с названием реки Конда (левый приток Иртыша), протекающей по территории Ханты-Мансийского округа, и поселением Кондинск (на ранних картах – Кандинск) и Кондинским монастырём (на правом берегу Оби). Регион имел сакральное значение для вогулов (манси), остяков (ханты) и зырян (коми). Бассейн р. Оби и Конды считается прародиной зырян. Предки отца, по словам самого В.В. Кандинского, были из восточных манси (*манси кондинские*), «сосланные по политическим причинам из Западной Сибири». Отец посвятил сына в далёкую историю их предков, в числе которых были вогулы, вместе с остяками кочевавшие от Урала до Ледовитого океана, недаром о «номадийской наследственности» Кандинский пишет в письме к Н.Н. Харузину от 5 января 1891 г.

В 1752 г. историк Забайкалья Е.Д. Петряев нашёл в Якутске упоминание о том, что торговый человек Пётр Алексеевич Кандинский грабил церкви, за что был сослан на Нерчинскую каторгу. Старший его сын Хрисанф Петрович (прадед художника) пошёл по стопам отца, грабил на таёжных дорогах, но потом остепенился, стал одним из самых богатых купцов в Забайкалье и, чтобы искупить свою вину и вину отца, построил две каменные церкви. Известно, что жена прадеда художника Хрисанфа Петровича происходила из рода тунгусского князя Гантимура, бежавшего в 1655 г. из Манчжурии в Россию. В.В. Кандинский также отмечает, что его бабушка была немкой: «моё воспи-

Мариям Мустафаевна Керимова – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН.

тание было наполовину немецким; мой первый язык, мои первые книги были немецкими». Поэтому, вероятно, можно согласиться с утверждением широко известной американской исследовательницы творчества Кандинского Пег Вейс о том, что предки В.В. Кандинского представляют собой довольно «эклектичное» смешение различных этносов.

Ещё в студенческие годы Кандинский увлёкся языческими верованиями, в частности шаманизмом у народов Русского Севера и Сибири. Это произошло под влиянием его близкого друга, впоследствии известного этнографа Николая Николаевича Харузина.

Их знакомство произошло в 1885 г., когда оба поступили на юридический факультет Московского университета. Николай и Василий слушали лекции профессора М.М. Ковалевского по обычному праву, профессора А.И. Чупрова – по политэкономии и статистике, В.Ф. Миллера – по востоковедению и фольклору. Кандинский с интересом изучает все предметы, но больше всего его привлекает этнография, которая, по его позднейшей оценке, «помогала открыть тайники души народной».

И Николай и Василий в годы учёбы в университете участвовали в научных экспедициях. Николай Харузин изучал обычное право и фольклор народов Северного Кавказа, русского населения Олонецкой

Василий Кандинский. 1886.
Охотник. 1907.

и Архангельской губерний, а также лопарей (саамов). Эта поездка увенчалась рядом интересных статей, послуживших прологом для монографии «Русские лопари. Очерки современного быта» (М., 1890).

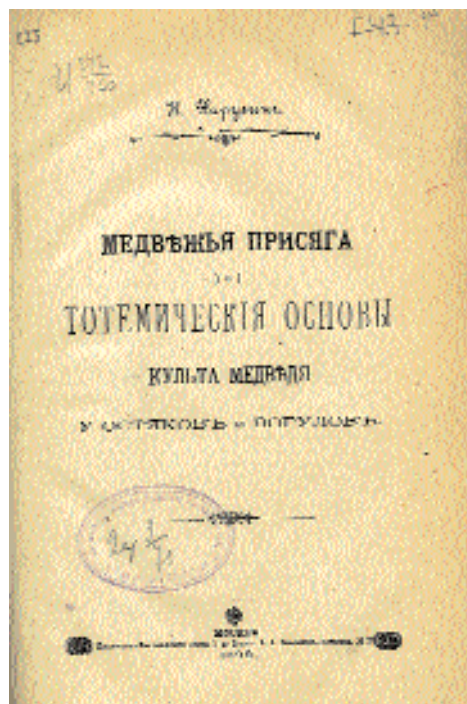
Хорошо зная интерес Кандинского к этнографии, Харузин приобщает друга к участию в деятельности Этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии и журнала «Этнографическое обозрение». В мае 1889 г. Кандинский по поручению Этнографического отдела ОЛЕАЭ один, без сопровождения, отправляется в свою первую научную экспедицию на Север России, в Вологодскую губернию, в состав которой тогда входили и земли коми-зырян. Его цель – ближе познакомиться с загадочной культурой народа, у которого, он знал, сохранилось множество остатков язычества. Готовясь к поездке, он изучил известные в то время работы этнографов. Перед отъездом он выступает в Этнографическом отделе с докладом «Верования пермяков и зырян».

В автобиографическом очерке «Ступени» (1913 г.) художник писал об экспедиции в Вологодскую губернию как об особенно сильном впечатлении студенческого времени, определившем многое в его судьбе: «Я въезжал в деревни, где население с жёлто-серыми лицами и волосами ходило с головы до ног в жёлто-серых же одеждах, или белолицее, румяное, с чёрными волосами было одето так пёстро и ярко, что казалось подвижными двуногими картинками. Никогда не изгладятся из памяти большие двухэтажные резные избы с блестящим самоваром в окне. Этот самовар не был здесь предметом «роскоши», а первой необходимостью: в некоторых местностях население питалось поч-

Без названия (Овал № 2). 1925.

// 60 //

Работа Н. Харузина «Медвежья присяга». РГБ.

ти исключительно чаем (Иван-чаем), не считая ясного или яшного (овсяного) хлеба, не поддающегося охотно ни зубам, ни желудку – всё население ходило там со вздутыми животами. В этих-то необыкновенных местах я и повстречался с тем чудом, которое стало впоследствии одним из элементов моих работ. Тут я выучился не глядеть на картину со стороны, а самому вращаться в картине, в ней жить. Ярко помню, как я остановился на пороге перед этим неожиданным зрелищем. Стол, лавки, важная и огромная печь, шкафы, поставцы – всё было расписано пёстрыми, размашистыми орнаментами. По стенам лубки: символически представленный богатырь, сражение, красками переданная песня. Красный угол, весь завешанный писанными и печатными образами, а перед ними красно-тепящаяся лампадка, будто что-то про себя знающая, про себя живущая, таинственно-шепчущая скромная и гордая звезда. Когда я наконец вошёл в горницу, живопись обступила меня, и я вошёл в неё...».

Естественно, что не только живая картинность природы и деревень привлекала Кандинского, но, прежде всего, стремление изучить юридические обычаи русского населения Вологодской губернии и верования сысольских и вычегодских зырян. Несмотря на то, что шаманизм у зырян исчез задолго до приезда туда Кандинского, сохранились древние языческие веро-

Н.Н. Харузин.

вания, в том числе – в *орта*. По мнению Кандинского, это верование в *орта* чисто зырянское. Русские исследователи (Г.С. Лыткин, И.А. Куратов) переводили *орт* как «дух», «душа», но из этого, считает Кандинский, никак нельзя делать заключение, что существо (субстанция) *орта* есть дух, зыряне имели смутное представление о духе, что являлось, несомненно, плодом их христианизации. Понятие *орт* отличается от христианского представления о «бессмертной и бестелесной» невидимой душе, оно сходно с понятием «двойника», которого, по шаманским воззрениям, можно иногда ощущать и видеть. Исследователи предполагают, что, помимо тщательного сбора информации, Кандинский участвовал в тайных языческих обрядах. Об этом может свидетельствовать дневниковая запись: «Бог Чуди найден!». Художник не писал подробно об этом и почти никогда не упоминал в своих публикациях запрещённых имён, мест и обрядов, хотя в его дневниках они названы. (Дневник поездки Кандинского к зырянам (22 стр.) с бытовыми зарисовками хранится в архиве художника в Центре Жоржа Помпиду в Париже.)

Материалы, собранные в экспедиции с 28 мая по 3 июля 1889 г., вылились в статью «Из материалов по этнографии сысольских и вычегодских зырян. Национальные божества (по современным верованиям)».

Вслед за статьёй Кандинский помещает в журнале «Этнографическое обозрение» ряд обзоров и рецензий.

Из-за болезни Василий и Николай пропустили некоторое время учёбы на юридическом факультете и одновременно закончили его в 1893 г. Василий получил диплом первой степени по кафедре политической экономии и статистики. Николай, пройдя через множество препон и окончательно определившись в пользу этнографии, перевёлся с юридического факультета Московского университета в Дерптский университет и получил там степень кандидата географии и этнографии филологического факультета.

Занятия В.В. Кандинского экономическими науками и юриспруденцией были столь успешными, что ему предложили должность профессора на кафедре экономики и статистики в Дерптском университете, но в одном из писем он откровенно признаётся, что в нём «нет сильной, захватывающей всё существо любви к науке». В 1895 г. он устраивается директором художественной Кушнеровской типографии в Москве, где печатались цветные репродукции. Окончательно решив связать свою судьбу с живописью, Кандинский в 1896 г. едет в Мюнхен. Здесь он поступает в частную школу словенского художника Антона Ашбе, где проводит два года. После учёбы у Ашбе он обращается к Францу Штуку – преподавателю Королевской академии художеств, который в те годы считался «первым немецким рисовальщиком», и берёт у него уроки. Через год Кандинский покидает мастерскую Штука, и в 1900–1902 гг. он опять в Москве, где основывает художественное объединение «Фаланга», преподаёт в художественной школе, пишет статьи по искусству.

Прощание. 1903.

Н.Н. Харузин без устали в эти же годы работает на поприще этнографии. Благодаря содействию В.Ф. Миллера, он осенью 1896 г. начинает читать лекции по этнографии в Московском университете и Лазаревском институте восточных языков (бесплатно). Фактически являясь главным редактором «Этнографического обозрения», пишет огромное количество статей, обзоров, рецензий. Плохое здоровье даёт о себе знать, и в 1900 г. сердце Николая Николаевича не выдерживает непосильных нагрузок...

Кандинский и после кончины Николая Харузина поддерживает связь с его семьёй, всегда является желанным гостем в их доме. В 1903 г. он дарит Харузиным, в память о Николае, свою цветную гравюру на дереве с символичным названием «Прощание». В 1935 г. супруга А.Н. Харузина Наталья Васильевна продаёт её Третьяковской галерее, где она и хранится по сей день.

Ещё в студенческие годы Кандинский увлёкся изучением языческих верований, в частности шаманизмом народов Русского Севера и Сибири. По всей видимости, самый богатый материал для уяснения этих явлений дали ему труды его друга Н.Н. Харузина, известного русского этнографа, а также глава «Шаманство», вошедшая в курс его лекций «Этнография. Верования.»

(Т.IV), посмертно изданный Алексеем и Верой Харузиными. Можно предположить, что сестра учёного В.Н. Харузина, поддерживавшая дружеские отношения с Кандинским, подарила ему монографию «Русские лопари» – основной труд рано ушедшего из жизни этнографа.

Прежде чем перейти к описанию шаманских сюжетов в творчестве Кандинского разных лет, целесообразно, на наш взгляд, обратиться к психофизическому складу личности художника и определённой связи его с теоретическим обоснованием сущности и задач абстрактного искусства.

В воспоминаниях Кандинского мы находим запись о том, что в детстве ему «были знакомы мучительно-радостные часы внутреннего напряжения, часы внутренних сотрясений, неясного стремления, требующего повелительно чего-то ещё неопределённого, днём сжимающего сердце и делающего дыхание поверхностным, наполняющего душу беспокойством, а ночью вводящего в мир фантастических снов, полных ужаса и счастья». Уже в зрелом возрасте, характеризуя своё состояние, Кандинский в письме к Н.Н. Харузину пишет: «Я... по-прежнему не вижу времени, и даже свою часть вижу лишь утром при пробуждении (достаточно позднем) и при успоко-

Пёстрая жизнь. 1907.

ении на кровати (также позднем), а та часть сама по себе, а я сам по себе». Видения и странные состояния не уходят из его жизни и впоследствии, что подтверждается его друзьями и современниками, письмами и многочисленными воспоминаниями. Ночные кошмары и загадочные видения часто доводят его до отчаяния. Он то жаждет уединения для ухода от своих комплексов, то безумно хочет преодолеть одиночество, которое его страшит. П. Вейс пишет, что «фантастические» состояния Кандинского есть не что иное, как характерные симптомы «шаманской болезни», так убедительно и красочно описанные в трудах его друзей-этнографов. Подобные переживания описал Николай Харузин в истории ученика лопарского шамана, которого долго мучили дурные сны, болезни и страшные видения. Исцеление наступило после того, как старый шаман научил его во время камлания искусству входить в экстаз и транс. И хотя сам Кандинский не наблюдал шаманских обрядов (он посещал только торжественные языческие праздники у коми-зырян), этнографический опыт помог ему проникнуть в сущность шаманизма и реально представить себе роль художника как «культурного целителя» (так он сам себя называл).

К одной из ранних картин Кандинского, навеянных этнографическими воспоминаниями, относится картина «Пёстрая жизнь», написанная в 1907 г. в Германии. Она впечатляет оригинальностью композиции, чёткостью портретных характеристик, яркостью красок, восточным колоритом. На довольно большом полотне (130×152,5 см) изображены Белый и Чёрный старцы, рядом с Белым старцем, внизу, – девушка в кокошнике с ребёнком, на заднем плане – православный священник с крестом в руке, русская церковь, монастырь на горе. Некоторые персонажи картины имеют выраженные монголоидные черты, другие – русские (паренёк в красной рубашке слева). Воспроизводя в картине, быть может, зырянский край, Кандинский хотел воспроизвести существующую там картину двоеверия.

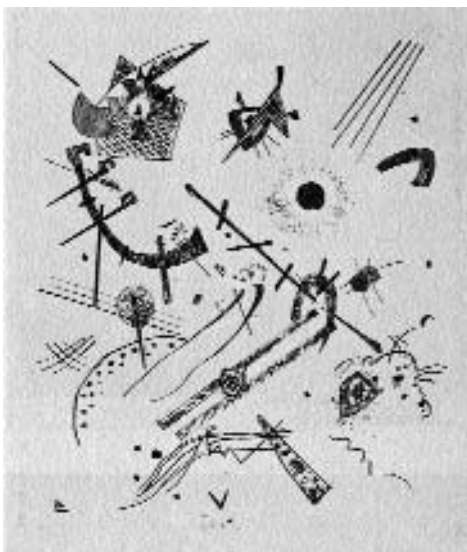
К моменту завершения своей книги «О духовном в искусстве» (впервые опубликована в 1912 г. на нем. яз.) Кандинский начинает постепенно отходить от чрезвычайно модных в России начала XX в. оккультизма, теософии, спиритизма, хотя отрицать их влияние на его творчество нельзя. Он глубоко верил «в торжество духа над грубым материализмом повседневности и абстракции над конкретно-осязаемым».

Маленькие миры III. 1922.

Дух, душа – эти понятия постоянно фигурируют в теоретических рассуждениях Кандинского, впрочем, как и в шаманизме. Н.Н. Харузин, разъясняя сущность шаманизма, указывает, что при помощи определённых действий, приводящих шамана в экстаз, он подчиняет себе какого-нибудь духа, который либо вселился в него, либо служит ему. «Шаманы, – указывает Н.Н. Харузин, – соединяют в своём лице самые разнообразные функции: они – посредники между людьми и божеством, они в силу своего вещего знания колдуны, могущие повелевать духами и управлять погодой, они врачеватели, так как могут изгнать или умиловить вселившегося в больного духа, они гадатели, так как узнают будущее, могут открыть пропавшее имущество, знают тайны людей и богов, они, наконец, и жрецы, так как лучше, чем кто-нибудь, знают, что требуется для умиловления данного сверхъестественного существа».

Основным инструментом шамана во время камлания является бубен с колотушками. В.М. Михайловский и Н.Н. Харузин подробно описали его в своих работах. Бубен бывает круглой или овальной формы. Обруч изготавливается из сосны или берёзы и скрепляется двумя пластинками крестнакрест с натянутой на них кожей. Важным элементом бубна являются рисунки – символы, понятные только шаману. Они делаются красной краской, приготовленной из ольховой коры. Рисунки чаще всего изображают богов, духов, которые помогают шаману во время камлания, а также солнце, звёзды, олени, медведи, волки, выдры, лисы, озёра, леса, людей. Иногда на бубне может быть изображено до 45 рисунков.

Маленькие миры XI. 1922.

Иногда рисунок радуги разделяет бубен на две части по горизонтали: в верхней изображался Млечный путь, солнце, дух и две чёрные птицы, выполнявшие волю шамана; в нижней – священные деревья, лягушки, мать огня и другие рисунки, в которых заключена волшебная сила шаманского инструмента.

В книге «О духовном в искусстве» Кандинский писал о внутреннем психическом звуке – эхе разных голосов в процессе создания картины, о психическом воздействии силы красок. Так же как духи, вызванные шаманом во время камлания, слетались в бубен, сообщая: «Здесь я», так

Овальный лопарский бубен. 1910–1911.

Маленькие миры VI. 1922.

и каждый мазок кисти художника говорил ему: «Здесь». Вот почему в своих дневниках Кандинский сравнивал холст, натянутый на раму – с шаманским бубном, удары кисти – с ударами колотушки в бубен, что приводило в экстаз не только душу творца, но и самого зрителя.

Известно, что Кандинского интересовала тема ритуального использования галлюциногенных грибов. Несомненно, ему были знакомы публикации русских и зарубежных путешественников, свидетельствующих о том, что настойки из ядовитых грибов широко использовались шаманами для вхождения в транс и могли отображаться в их видениях в виде летящих грибов.

В 1916 г. в картине «Всадник» Кандинский изобразил кочку с грибами, высоко парящими над всадником. Образы грибов в картинах Кандинского связаны с тайной инициации, шаманского путешествия, исцеления.

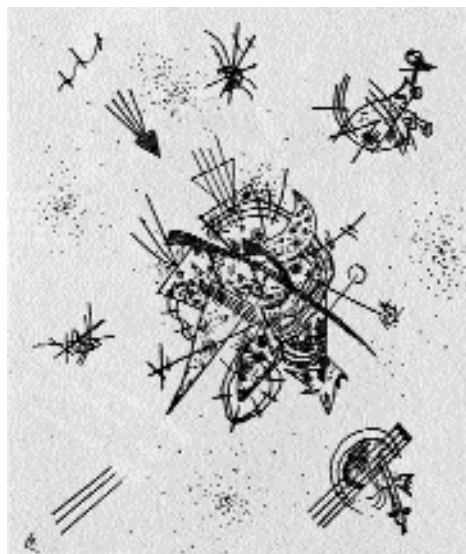
В 1929 г. на полотне «Уровни» он изображает геометризованные грибы и символическое мировое древо, аналогичное изображениям на шаманских бубнах. Известно, что Кандинский в Лапландии не был, но был знаком с зарисовками лопарских бубнов, показанными ему Н.Н. Харузиным. Кроме того, художнику были известны бубны, описанные Г.Н. Потаниным в 1881–1883 гг., и огромная коллекция лапландских бубнов из Стокгольмского музея. В названной картине «ветви» на мировом древе выполнены в форме «уровней» на лопарском бубне.

Воспоминания о студенческой экспедиции преследовали Кандинского до конца жизни. Они как по волшебству всплы-

Маленькие миры VII. 1922.

Маленькие миры X. 1922.

вали и выливались в прекрасные оригинальные образы. Так, на одной из последних работ художника «Последняя акварель» (1944) мы видим летящие грибы в форме бабочек и причудливых насекомых, на которые нанесён замечательно тонкий геометрический орнамент.

Немалое место в изображении предметов шаманской обрядности занимает у Кандинского серия овальных картин – бубнов, начатая в 1910–1911 гг. и продолженная после 1925 г. Бубен представляется в ней и как волшебный конь, и как лодка, и как птица. Мотивы круга и овала, постоянно варьирующиеся в творчестве Кандинского, имеют прямое отношение к его восприятию символики и формы бубна.

Так остриё булавы бога Перуна разделяет картину «Овал № 2» на две половины (аналогия с элементами шаманской модели космической вертикали).

У Кандинского часто встречаются своеобразные, им самим изобретённые пиктограммы, изображающие солнце, рыбу, лисицу, а также охотников, рыболовов, кузнецов и т.д. Картины в овальных рамках даже по размеру идентичны шаманским бубнам (примерно 36×32 см). Овальные работы 1925–1928 гг. интересны делением на 4 части (аналогия со странами света), на верхний и нижний миры.

Находясь в постоянном поиске, художник часто переходит от реалистических пейзажей и интерьеров домов в Мурнау (Германия), где он поселился после отъезда из Москвы, к импрессионистическим полотнам, а затем к первым абстрактным полотнам, где источником вдохновения и предметом служила языческая картина

мироздания, а также видения шаманских действий и путешествий.

Во второй половине 20-х годов художник от горизонтально-овальной структуры переходит к спиралевидным, концентрическим композициям. В его импровизациях появляется всё больше кругов и овалов, сочетаемых с красочными, выполненными чаще всего маслом, линиями, спиралями, зигзагами, углами, пиктограммами собственного изобретения. Серия из четырёх небольших гравюр «Маленькие» (1922) посвящена предметам шаманского обряда: здесь бубен с колотушкой, на которой изображена сим-

Уровни. 1929.

волицеская лошадиная голова, обереги, подвески.

Символично, что Кандинский, предчувствуя свою кончину, создаёт в 1944 г. картину «Зелёные связи», в которой изображены мировое древо, шаманский головной убор и другие шаманские атрибуты.

Василий Кандинский, получивший высшее образование по кафедре политэкономии и статистики, посвятив себя живописи, увлекался психологией, философией, этнографией, теорией искусства, музыкой и поэзией. Он создавал

акварели, картины, выполненные маслом, печатную графику, гравюры на дереве, иконопись, композиции на стекле, карандашные рисунки; мечтал о синтезе искусств и пробовал свои силы в сценической композиции. Полотна Кандинского известны во всем мире, издано множество альбомов и книг, посвящённых его творчеству.

Ниже публикуется несколько писем В.В. Кандинского к Н.Н. Харузину. Они были обнаружены автором данной статьи в фонде Отдела письменных источников Государственного Исторического музея.

Последняя акварель. 1944.

В оформлении статьи использованы иллюстрации из книг:
Василий Васильевич Кандинский. Каталог выставки. Л., 1989; Лакост М. Кандинский. М., 1995. РГБ: ИЗО 40/4.272; Der Frühe Kandinsky. München, 1994. РГБ: ИЗО 13/4.244.

- Автономова Н.Б.** Этнографические исследования Василия Кандинского. Вологодская экспедиция 1889 года // Искусствознание. М., 2001.
- Бараев В.В.** Древо. Декабристы и семейство Кандинских. М., 1991. РГБ: 10 91-13 / 143; 144.
- Бараев В.В.** Куда скачут всадники Кандинского? // Эхо планеты. 1 апреля М. 1995. РГБ: 42 / 49 / 40; 41.
- Кандинский В.В.** О духовном в искусстве. М., 1992. РГБ: 1 93-4 / 272; 273.
- Кандинский В.В.** Синий всадник. М., 1996. РГБ: 2 96-4 / 208; 209.
- Кандинский В.В.** Ступени. Комментарии // Избранные труды по теории искусства. Т.1. М., 2001. РГБ: 11 01-1 / 346; 347.
- Петряев Е.Д.** Впереди – огни. Очерк культуры прошлого Забайкалья. Иркутск, 1968. РГБ: Б 68-61 / 437; 438.
- Сальников С.В.** К истории одного путешествия // Арт. Сыктывкар, 2000. № 1. РГБ: 22 48 / 25; 26.
- Харузина В.Н.** Прошлое. Воспоминания детских и отроческих лет. М., 1999. РГБ: 2 99-3 / 99; 100.
- Weiss P.** Kandinsky and Old Russia. The Artist as Ethnographer and Shaman. New Haven and London, 1995.

Письма В. В. Кандинского к Н. Н. Харузину

23 апреля [18]89 г.
Москва

Очень рад за Вас, Николай Николаевич, что сам Гурзуф¹ доказал Вам справедливость моих слов. Жить в Гурзуфе — значит постоянно видеть вдохновлявшие Айвазовского и Судковского² картины. В Гурзуфе, по-моему, всего рельефнее выступают красоты Чёрного моря. Здесь они бьют по нервам. Человек, не видевший Чёрного моря будет подавлен, поражён его силой. [Только] раз видевший его, приглядевшийся к нему, снова поймёт его самим чувством. Представив себе Гурзуф, я особенно сильно почувствовал всю тяжесть жизни теперь в Москве. Сидишь тут, в окно так и бьют горячие лучи солнца. А ты... читаешь о консисториях³, благочинных иеромонахах⁴. На носу репетиции Павлова. А там Янжул, Комаровский⁵ и т.д. и т.д. целая серия противувесенних курсов! А мысли бродят то где-нибудь в Крыму, то в Париже, то у зырян.

Выставка передвижников овладевает чувствами и фантазией, тянет к краскам. А тут... консистории... Какую картину Поленов выставил, если бы Вы видели. Горячие тона южного летнего солнца, зелёное озеро, вдали синеющие горы, раскалённое небо. Дивная красота и Христос. Он идёт, и он выше и прекраснее самой природы. Лица почти не видно. Всё выражение в фигуре. Самый замысел и построение его может Вам передать отвратительный рисунок в начале письма. Почти [никакой] картинки нет на выставке, и её (картину Поленова. — М.К.) почти не замечают, т[ак] к[ак] лица почти не видно. Мне больно за Поленова⁶.

«Зыряниться» я начну с 20 мая. Лучше всего писать мне в Вологду до востребования. Дальнейшие адреса пришлю.

Пишите, Николай Николаевич, я очень рад Вашим письмам. Крепко жму вашу руку. Желаю Вам отдыхать и крепнуть, крепнуть. Ваш В. Кондинский⁷.

Мой поклон П[етру] М[ихайловичу]⁸.

5 января [18]91 г.
Одесса

Крепко целую тебя, дорогой мой Николай Николаевич, за телеграмму и поздравление. Знаешь, я получил её лишь вчера, т[ак] к[ак] она была доставлена почтой (провода помешали). Когда я хотел послать Вам телеграмму, отец сказал мне, что она дойдёт не скорее письма, а т[ак] к[ак] в письме больше скажешь, то я и послал письмо.

«Программ» я не получил, верно пропали, а м[ожет]б[ыть] ты собрался послать, да забыл. Но как мне было на то досадно! Вот, просил тебя написать по пунктам, что делать, как себя чувствовать! А ты и не подумал. Благодарю за столь лестное внимание.

ОПИ ГИМ, ф. 81. д. 98, лл. 108—132, 135.

Душевно радуюсь «примирению» с Зографом⁹. Анучин¹⁰ начинает проявлять задачи президентства. Дай же Бог, чтобы он твердо шествовал по сему лучезарному пути. Возьмёт ли Алексей Николаевич редактирование?

— Ещё три дня пребывания здесь и Reise nach Moskau¹¹. Счастлив ты, кто к обычному городу соединяет приверженность. У меня же вечный разлад: и уехать хочется, и делать брался. А тут ещё номадийская наследственность. Вот пришёл отец обедать. До свидания [...]. Целую тебя, голубчик. 10-го я в Москве, 11-го — у тебя. Поклон мой всем. Ещё раз до свидания. Твой В. Конд[инский].
[...]

27 дек[абря] [18]91

8 янв[аря] [18]92

Париж

Начинаю тебе письмо, голубчик Коля, с просьбы. Правда, мне совестно просить тебя, так как знаю, как ты занят, но дружба понуждает меня к тому. Нет, серьёзно: тебя я с самым лёгким сердцем побеспокою. Будь добр, вышли мне наложным платежом 2 книги: Анучинские сани, ладью и проч[ее]¹² и на днях вышедшую книгу Менделеева¹³, название которой к беде моей я не знаю, но содержание её направлено на доказательство исключительной производительности фабричного производства и его преобладания над земледелием. Если, как мне помнится, Анучин вышел из продажи, то не можешь ли прислать мне свою; через месяц я её перешлю тебе обратно. Если же тебе почему-либо неудобно исполнить или всё поручение или часть его, то, пожалуйста, прошу тебя, не исполнять неудобного тебе.

— Очень бы мне хотелось видеть первые взмахи вёсел твоей ладьи и первые удары подводных камней и злобных волн. И [даже] твой парус широко разовьётся и гордо выпрямится под напором попутного ветра, когда я ещё буду в поте лица трудиться над сталкиванием моей лодочки с песка, в который она угружена и так засосана тиной.

Мне разрешили держать экзамены в 3-ий раз. Но по всем предметам. Что это будет, не знаю. Но не думаю складывать руки. Впрочем в Мин[истерств]е конфиденциально сказали, что б[ыть] может, профессора сами зачтут сданные экзамены. Но это бабушка надвое сказала.

Радуюсь за тебя, что ты так спишь. Это необходимо при усталости в работе. Поздравляю тебя с секретарством¹⁴. Читал в «Русских вед[омостях]». Оставь на меня, пожалуйста, экземпляр сборника былин. Живём здесь по-старому. На днях сажусь за лекции. А пока только наслаждаюсь Парижем да живописью. Видел Козьминых 3 раза и гулял с ними. Теперь они уже в Берлине и 10-го будут в Москве.

Крепко целую тебя, голубчик мой Коля, и жму твою руку. Аня¹⁵ кланяется тебе и благодарит за поклон. Я же шлю вашим большие приветы. Твой В. Кондинский.

Я немного потолстел. Даже смешно самому. Пиши почаще. Как твоё здоровье?

25 марта [18]94 г.

Одесса

Дорогой Коля, в Одессе есть особые скалы — издали они кажутся твёрдыми, крепкими, но когда ты стоишь наверху их, на узкой площадке, то от скал отрываются, постоянно, мелкие куски и непрерывно катятся вниз. Иногда мне кажется, что все мы стоим на таких изменчивых скалах и все ищем более крепкой опоры на них, а они ломаются кусками и сыпятся. И вокруг мы видим со страхом, что, лишённые опоры, падают вокруг нас близкие, дорогие нам люди. И мы ничем, ничем, не можем помочь им, удержать их. Это так ужасно, что человек утешает себя мыслью, что со скал этих мы не исчезаем в какой-то чёрной яме, а уносимся в лучший, более крепкий и прекрасный мир. И хорошо, если можно так верить. Когда человек молод, всё ему кажется громоздким и бесконечным. Он-то [находится] на узком, отведённом ему местечке, а кажется ему, что путь его бесконечен. И как будто впервые он всем телом своим почувствует, как слаба и ненадежна его

почва, как беспомощен он и всё, на что подчас он бессознательно [...] опирается, так он ищет Бога. И хорошо, если он найдёт его. А нам, его не нашедшим, страшнее и мрачнее. И как ни толкуй, что всегда один будет ликовать, а другой умирать, всё-таки, страшно и за того, кто умирает, и за того, кто ликует. Страшно печально видеть пустое место в своих рядах. Я это так чувствую. И мне хочется крепко пожать твою руку. У тебя планы неясны, а у меня они рушились на заграничную поездку и после Пасхи мы вернёмся в Москву. Видно, я ещё застану тебя? В конце апреля? Пиши мне. Мне так приятно думать, зима кончилась и в наших отношениях. Целую тебя. Аня кланяется тебе и всем твоим. Твой В. Кондинский.

Публикация и примечания М. Керимовой

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Н.Н. Харузин находился с археологической экспедицией В.И. Сизова в Гурзуфе весной 1889 г. С ним вместе в этой экспедиции был и П.М. Богаевский.

² Судковский Р.Г. (1850–1885) – художник-пейзажист, маринист.

³ Консистория (consistorium) – 1) тайный совет римских императоров; 2) высшая папская коллегия кардиналов.

⁴ Иеромонах – монах в сане священника.

⁵ Имеются в виду профессор Московского университета А.П. Павлов (1854–1929), И.И. Янжул (1846–1914), Л.А. Комаровский (1846–1912).

⁶ Картина В.Д. Поленова «На Тиверийском (Генисаретском) озере» (1888, хранится в Третьяковской галерее) была выставлена на 17 выставке картин Товарищества передвижных выставок. Главные акценты в картине были перенесены Поленовым на пейзаж, а не на лицо, за что он подвергся критике.

⁷ Во всех публикуемых нами письмах Кондинский подписывается с огласовкой через *о*.

⁸ Имеется в виду П.М. Богаевский (1866–1929) – друг Кондинского и Н.Н. Харузина, этнограф.

⁹ Н.Ю. Зограф (1851–1919) – антрополог, профессор Московского университета.

¹⁰ Д.Н. Анучин (1843–1923) – профессор Московского университета, географ, антрополог, этнограф.

¹¹ Reise nach Moskau – отправляться в Москву (нем.).

¹² Речь идёт о работе Д.Н. Анучина «Сани, лады и кони, как принадлежности похоронного обряда. Археолого-этнографический этюд». М., 1890.

¹³ Вероятно, имеется в виду работа Д.И. Менделеева «Толковый тариф или исследования о развитии промышленности России в связи с её общим таможенным тарифом 1891 г.». СПб., 1892.

¹⁴ Н.Н. Харузин получил должность секретаря Этнографического отдела ОЛЕАЭ 15 декабря 1891 г.

¹⁵ Имеется в виду Анна Филипповна Шемякина – первая жена В.В. Кондинского.

Подборка писем иллюстрирована работой В. Кондинского: *Ummauerte Stadt in Herbstlandschaft*. 1901/02. Публикуются первая страница письма художника к Н.Н. Харузину с рисунком по картине В. Поленова и фото В. Кондинского в Германии, 1911.

